

Воин Заката

Эрик Ластбадер

Воин Заката

1977

Ластбадер Э. в.

Воин Заката / Э. в. Ластбадер — 1977 — (Воин Заката)

Под пластом вечного льда, сковавшего всю поверхность планеты, находится царство мрачного Фригольда, где правят сила и меч. Древние Машины, дающие жизнь обитателям подземного мира, выходят из строя одна за другой. Но в обреченной земле есть один человек, чей дух не сломлен, чей стремительный меч несет смерть врагам. Мятежник в душе, он преуспел в древних искусствах любви и войны. В поисках истины отправляется он в пустоту и дальше – по ту сторону пустоты. Имя ему – Воин Заката.

Эрик ван Ластбадер Воин Заката

Р.А.Л. и М.Х.Л., которые были со мной и в дни радостей, и – что гораздо ценнее – в дни горестей. И Генри Стейгу, просто классному специалисту.

Уцелеть – это еще не все.

Баджан

Ронин умирал, но сам он об этом не знал. Он лежал, неподвижный и полностью обнаженный, на какой-то овальной каменной плите, расположенной посередине холодной квадратной больничной палаты. На черных, коротко стриженных волосах блестели капельки пота. Лицо его с тонкими, правильными чертами не выражало вообще ничего.

Сталиг, целитель, мял ему пальцами грудь. Взгляд врачевателя выдавал напряжение. Ронин попытался расслабиться, думая про себя: все это – напрасная трата времени. Пальцы целителя медленно продвигались вдоль ребер по левому боку. Ронин старался не думать о боли, но тело больше не подчинялось ему. Мышцы предательски дергались под давлением толстых пальцев.

– М-да, – хмыкнул Сталиг. – Рана-то свеженькая.

Ронин уставился в потолок – в никуда. Что его так беспокоит? Ведь это была только драка. Обычная драка. Обычная? Он скривил губы в усмешке. Банальная потасовка, завязавшаяся в коридоре, как какая-нибудь уличная заваруш... и тут внезапно он вспомнил все...

Его голые руки блестят от пота. Меч, только что вложенный в ножны, ощущается тяжестью на боку. Руки почти невесомые после целой смены непрерывных тренировок. Из зала боевой подготовки он вышел один. Один и в расстроенных чувствах. И вышел он в самую гущу людей, что-то тупо и злобно орущих. Он идет – ему нет до этого дела. А потом что-то как будто ударило ему в грудь, и из общего гула прорезался голос:

– И куда это мы направляемся?

Холодный и неестественный голос. Его обладателем оказался высокий худющий блондин с косыми нашивками чондрина на груди. Черное с золотом. Ронин не узнал эти цвета. Чуть позади блондина стояло еще человек пять-шесть. Меченосцы с нашивками тех же цветов. Очевидно, они только что задержали группу учеников, возвращавшихся с тренировки. Одно непонятно – за что.

– Отвечай, ученик! – велел чондрин. Лицо его было каким-то уж очень бледным и состояло, казалось, из одного здорового носа, как будто вылепленного из воска. На высоких скулах – следы от оспы. Длинный шрам, протянувшийся, как слеза, от уголка глаза по всей щеке. Из-за этого шрама один глаз чондрина смотрелся ниже другого.

Ситуация показалась Ронину даже забавной. Он сам был меченосцем и практиковался, естественно, с меченосцами. Но в последние дни ему нечем было заняться, и от скуки он начал ходить на занятия и с учениками тоже. На такие «ученические» тренировки он одевался попроще, и те, кто не знал его лично, частенько принимали Ронина за студента. Как это случилось сейчас.

– Это, наверное, мое дело, куда я иду и что делаю, – достаточно вежливо отозвался Ронин. – А вы с чего это вдруг привязались к ученикам?

Чондрин вытаращился на него, вытянув шею, – ну прямо змея перед тем, как наброситься на добычу. На щеках его вспыхнул румянец. Оспины обозначились еще резче.

– Ты что себе позволяешь, студент? – угрожающе выдавил он. – Где уважение к старшим по званию? А теперь отвечай на вопрос.

Ронин промолчал, только взялся за рукоять меча.

– Так, – расплылся в ухмылке чондрин, – похоже, этот ученик очень нуждается в том, чтобы ему преподали хороший урок.

Как по сигналу, меченосцы набросились на Ронина. Все это случилось так быстро, что он не успел даже сообразить, что в такой давке ему не удастся вовремя вытащить меч. Уже через пару секунд его повалили на землю и он подумал еще: нет, такого не может быть – это все не со мной происходит. Он машинально ударил, больше – наугад, и не без удовольствия ощутил, как сапог его врезался в чью-то плоть. Но тут кто-то вмазал ему кулаком в висок, что несколько поубавило Ронину боевого энтузиазма. Впрочем, он тут же пришел в себя. Кровь ударила в голову. Он принялся молотить руками налево и направо, нанося яростные удары. И хотя Ронин лежал на спине, то есть явное преимущество в диспозиции было отнюдь не за ним, его кулак все же попал куда надо. Хрустнула кость. Раздался истошный вопль.

А потом кто-то заехал ему сапогом по ребрам, и в голове у него помутилось. Он попытался ударить еще раз. Не смог. Грудь как будто налилась свинцом. Легкие полыхали огнем. Он вдруг почувствовал жгучий стыд. Его опять пнули по ребрам, и Ронин отключился...

Боль снова накрыла его, как волна, но на этот раз он сумел справиться с ней. Он даже не дернулся, только легонечко вздрогнул. Он сфокусировал взгляд на склоненной над ним голове – непропорционально большой голове с косматыми бровями, слезящимися глазами и морщинистым лбом.

– Ага! – воскликнул целитель, обращаясь скорее к себе, чем к Ронину. – И во что это ты, интересно, вляпался, а?

Он покачал головой, взял какую-то темную и ворсистую тряпку, смочил ее жидкостью из бутылки матового стекла, после чего приложил все это хозяйство к боку Ронина. Ронин ощутил приятный холодок, и боль поутихла.

– Ну вот. Давай одевайся и заходи. – Сталиг швырнул тряпицу на спинку стула и скрылся за дверью. Ронин сел. Бок онемел, но боли больше не было. Он натянул на себя рубашку, леггинсы, короткие кожаные сапоги. Встал с овального ложа, пристегнул к поясу меч и прошел следом за Сталигом в соседнюю комнату, залитую мягким светом, маленькую и уютную, особенно по контрасту с геометрически правильными очертаниями операционной.

В комнатухе царил беспорядок. Три стены – сплошные полки, заставленные переплетенными папками с табличками-разделителями. Они поднимались, подобно дикому плющу, от пола до потолка. Кое-где – в самых странных местах – между полками попадались пустоты. Разделительные таблички торчали под самыми невообразимыми углами. Рабочий стол Сталига, притулившийся у дальней стены, равно как и два табурета при нем, тоже был завален папками и бумагами. Имелся также стеклянный стеллаж, забитый скляночками и коробочками.

Сталиг сидел за столом. Когда Ронин вошел, целитель, даже не соизволив оторваться от своих бумаг, извлек откуда-то из-за спины бутылку с янтарным вином и две жестяные кружки. Правда, прежде чем разливать вино, Сталиг все же сподобился выдуть из кружек пыль. И лишь после этого он поднял глаза на Ронина, протянув ему выпивку и пригласив его сесть широким радушным жестом.

Ронину сначала пришлось убрать с табурета бумаги и папки. Он поставил кружку с вином на стол, сгреб бумаги в охапку и так и застыл, держа их в руках и решая, куда бы их лучше пристроить.

– А, брось их куда-нибудь, – небрежно махнул пухлой лапой целитель.

Ронин сел, отхлебнул вина. Приятная теплота разлилась по телу, как будто внутри развернулся пушистый и мягкий ковер. Он сделал еще один большой глоток.

Сталиг наклонился вперед, оперевшись локтями в разбросанные на столе бумаги, сцепив пальцы в замок и рассеянно теребя верхнюю губу:

– А теперь расскажи: что с тобой приключилось?

Ронин молчал, побалтывая в кружке вино. Из-за разбитого бока ему приходилось сидеть очень прямо. Целитель опустил глаза, не без раздражения скомкал первый попавшийся лист бумаги и зашвырнул его в угол.

– Так-так, – он нарочито громко вздохнул, но потом его голос заметно смягчился: – Ты не хочешь об этом рассказывать, но я же вижу, что что-то тебя беспокоит.

Ронин лишь молча взглянул на него. Целитель подался к нему через стол.

– Да, да, этот дряхлый старик еще кое-что видит и кое-что смыслит в жизни. – Он внимательно поглядел на Ронина. – Скажи, как давно мы с тобой знакомы? – продолжал Сталиг, водя пальцами по столу. – Ты был совсем еще мальчик. Еще до того, как твоя сестра ис...

Целитель прикусил язык, и легкий румянец окрасил его дряблые щеки.

– Я...

Ронин тряхнул головой.

– Продолжай, это меня не заденет, – проговорил он как можно мягче. – Я уже это пережил.

– Еще до того, как твоя сестра исчезла, – выпалил Сталиг, причем так поспешно, как будто его приводила в ужас сама мысль о том, что эти слова могут повиснуть в воздухе на пару лишних секунд. – Мы уже так давно знаем друг друга. А ты не хочешь со мной поделиться своими тревогами. – Целитель опять сцепил пальцы в замок. – Ты выйдешь отсюда, пойдешь к Ниррену, все ему выложишь... – теперь голос Сталига стал резким, – своему лучшему другу. Ха! Но он же чондрин, чондрин на службе у Эстрилла. И прежде всего он подумает не о тебе, будь уверен. Ведь ты у нас вольная птица. У тебя нет саардина. Тебе никто не указ. Но и никто тебя не защитит, если что. А этот твой Ниррен... у него нет сердца. Он лишь притворяется твоим другом, чтобы выуживать у тебя информацию. В конце концов, это его работа.

Ронин поставил кружку на стол. В другой ситуации он, может быть, и разозлился бы на Сталига. Но теперь он сказал себе: этот старик действительно любит меня, желает мне только добра и хочет меня предостеречь, для моего же блага... он просто не все до конца понимает. К тому же мне надо принять во внимание и то, что он вечно всего боится. Иной раз – не без оснований. Но иногда его страхи необоснованны совершенно. И насчет Ниррена он не прав.

– Я знаю, что это такое – коварство чондринов, – сказал Ронин. – И для тебя это не секрет. Если Ниррену нужна от меня информация – мне не жалко, пожалуйста.

– Да, – махнул рукой Сталиг. – Политик из тебя никудышный.

Ронин хохотнул:

– Это точно. Вернее не скажешь.

Целитель нахмурился.

– Мне кажется, ты еще не осознал до конца, насколько опасна сложившаяся ситуация. Фригольдом правит политика. В последнее время среди саардинов возникли серьезные разногласия, и с каждым днем положение становится все неустойчивей. Кое-кто во Фригольде – причем это люди влиятельные, заметь, – готов хоть сейчас начинать войну.

Ронин пожал плечами, отхлебывая вино.

– Бывает и хуже, – заметил он. – По крайней мере, скучать не придется.

Сталиг уставился на него, пораженный.

– Это ты так говоришь несерьезно. На самом деле ты так не думаешь. Я тебя знаю. Ты, наверное, думаешь, что лично тебя это не коснется.

– Скорее всего.

Сталиг медленно и печально покачал головой.

– Это все у тебя от безделья – ты сам не знаешь, о чем говоришь. Ты понимаешь прекрасно, не хуже меня, что в междоусобной войне никто не останется в стороне. Это коснется всех нас. В нашем замкнутом мирке подобная глупость может иметь самые чудовищные последствия.

– Но я к этому отношения не имею.

– У тебя нет саардина, да. Однако же ты – меченосец и, когда придет время, ты не сможешь остаться в стороне.

Они замолчали.

Ронин отпил еще вина.

– Хорошо, я тебе расскажу о том, что случилось сегодня, – произнес он наконец.

Сталиг слушал Ронина, прикрыв глаза и рассеянно теребя верхнюю губу. Впечатление было такое, что он вот-вот заснет.

– Я до сих пор не могу поверить, что на меня напали. Да еще подобным образом. Да еще меченосцы. Если б я был низшим чином со Среднего Уровня... в общем, ты знаешь Устав. Рукопашные драки – не для меченосцев. Если надо уладить какое-то недоразумение, для этого есть поединок. Иначе и быть не должно. Так было на протяжении веков. А сегодня меня отделивают меченосцы во главе с чондрином... как будто они не солдаты, а уличные мальчишки, не имеющие и понятия об Уставе.

Сталиг откинулся назад.

– А я о чем говорю? Повсюду чувствуется напряжение. Будет война. И она уничтожит традиции, на которых еще худо-бедно, но держится этот Фригольд, в то время как все остальные давно уже развалились. – Он содрогнулся. Ронину показалось, что было в жесте целителя что-то патетическое. – И кто бы ни победил в этой войне, победители изменят Фригольд. Все будет другим. Совершенно другим. – Целитель осушил свою кружку одним глотком и налил себе еще. – Черное с золотом, ты говоришь? Это, наверное, люди, Дхарсита. Он – из этих новых саардинов. Они хотят установить новый порядок. Новые идеи, новые традиции, так они сами говорят. А идеи у них, я тебе скажу...

Сталиг распалился не на шутку. Он с такой силой грохнул кружкой о стол, что ее содержимое выплеснулось, заливая бумаги.

– Власть! Вот чего они хотят. Власти.

Он неожиданно вскочил на ноги, сбросив со стола мокрые папки. Они шлепнулись на пол, но целитель, казалось, этого и не заметил.

– Черт бы их всех побрал! Спроси у дружка своего, Ниррена. Уж он-то знает, – мрачно закончил Сталиг.

– Мы обычно не говорим о политике.

– Ну конечно, – презрительно выдавил Сталиг. – Не станет же он разглашать планы Эстрилла. Но из тебя, я готов поклясться, он выуживает все коридорные сплетни.

– Возможно.

– Ну вот. – Сталиг помедлил, снова уселся за стол, вроде бы успокоившись, но потом опять взъярился, как будто совсем не ожидал услышать такое от Ронина. – А что касается сегодняшнего инцидента, ты, я надеюсь, не думаешь о возмездии.

– Если тебя беспокоит, что я могу пустить в ход вот это... – Ронин наполовину вытащил свой меч из ножен и с нажимом вернул его обратно, – можешь не волноваться. Я вовсе не собираюсь участвовать в интригах саардинов.

– Хорошо, – целитель вздохнул. – Правда, я сомневаюсь, что наши доблестные ребята из органов безопасности тебе поверят.

– А как насчет тех учеников, которые были свидетелями нашей драки? Они дадут показания...

– Рискую тем самым закрыть себе доступ к карьере меченосца?

Ронин кивнул.

– Да, об этом я как-то и не подумал. Впрочем, мне наплевать. И кто знает, быть может, когда-нибудь на тренировке мне придется столкнуться с чондрином Дхарсита. – Тут он ухмыльнулся. – И тогда этот малый меня запомнит.

– Держу пари, что запомнит, – рассмеялся Сталиг.

Из операционной донесся топот сапог. Ронин и Сталиг обернулись к двери. На пороге застыли две мрачные личности в одинаковой серой форме, с тремя кинжалами на черных кожаных португепях, пересекавших крест-накрест грудь. Даггамы – доблестные ребята из органов безопасности. Они загородили собою дверной проем, но в комнату не прошли. У обоих – короткие черные волосы, невыразительные черты. На такие лица не взглянешь дважды. А для того, чтобы их запомнить, их надо очень внимательно изучить.

– Сталиг? – изрек один из них голосом четким и резким.

– Да?

– Срочно нужна ваша помощь. Соберите, пожалуйста, вашу аптечку и следуйте за нами.

Он протянул целителю сложенный пополам лист бумаги. Второй «безопасный» даже не шелохнулся. Он только внимательно наблюдал. В руках у него не было ничего.

– Сам Фрейдал, – выдохнул Сталиг, прочитав записку. – Весьма впечатляюще. Естественно, я иду. Но мне нужны хотя бы какие-то объяснения. Я должен знать, что мне взять с собой.

– Берите все.

Даггам с подозрением покосился на Ронина.

– Но это физически невозможно, – запротестовал Сталиг.

– Я его помощник, – сказал Ронин, кивнув на целителя. – При мне вы можете разговаривать свободно.

«Безопасный» обвел его мрачным взглядом, потом вопрошающе уставился на Сталига.

Целитель кивнул:

– Да, он мне тут помогает.

– Колдун сошел с ума, – начал даггам с явной неохотой. – Нам пришлось его изолировать – ради его же собственной безопасности и безопасности окружающих. Он уже набросился на своего техника. Ни с того ни с сего. И его состояние ухудшается...

Сталиг уже собирал пузырьки и склянки в потертую кожаную сумку. Узрев такое, даггам замолчал, не закончив фразы, и угрожающе уставился на Ронина.

– Ты не помощник, – тон «безопасного» стал ледяным. – У тебя меч. Ты – меченосец. Я жду объяснений.

Сталиг замер, приостановив свои сборы, но не спешил повернуться к ним лицом. Номер не прошел, констатировал про себя Ронин. Ладно, попробуем выкрутиться.

– Конечно, я меченосец, – сказал он как можно спокойнее. – Но я, как вы видите, не состою при саардине. Так что у меня много свободного времени, и я иногда помогаю целителю.

Сталиг закрыл свою сумку и повернулся к ним.

– Я готов. Пойдемте. – Он покосился на Ронина. – Тебе лучше пойти со мной.

– Это, несомненно, развеет скуку, – отозвался тот, не спуская глаз с даггама.

Они прошли по коридору и вступили под закругленный каменный свод. Стены здесь были покрашены в серый цвет. Когда-то ровный и однородный слой краски теперь был покрыт темными пятнами глубоко въевшейся грязи. За долгие годы пренебрежения и упадка краска на стенах кое-где пооблупилась, а кое-где выцвела до белизны. Во многих местах были заметны разбегавшиеся паутиной трещины, напоминавшие цепкие и живучие растения, тянущиеся к свету.

По обеим сторонам коридора тянулись в ряд дверные проемы, расположенные через равные интервалы. Там, где еще оставались двери, они были закрыты наглухо. Пустые проемы зияли затхлой темнотой, в которой смутно угадывались очертания комнат, заваленных по углам бумагами и каким-то мусором. За исключением этих жалких продуктов человеческой деятельности, помещения были пусты – лишь иногда кое-где раздавалось шуршание: то скрежет когтя, то промельк хвоста.

Постепенно серый цвет стен сменился поблекшим синим. Даггамы повернули налево в темный проход во внутренней стене коридора. Сталиг и Ронин последовали за ними. Никто из них даже и не взглянул на неисправный лифт.

Они вышли на площадку огромной лестницы, которая огибала центральную шахту Фригольда. Один из даггамов – тот, который был поразговорчивее, – протянул руку к нише в стене и извлек факел из связанных проволокой просмоленных тростников. Второй «безопасный» достал огниво, высек искру и поднес пламя к факелу. Факел вспыхнул, искры с треском полетели в воздух, оседая на пол черной сажей.

Даггамы, не глядя на Сталига и Ронина, направились вниз по ступенькам. Ронин удивился. Он думал, что их поведут наверх. Он мало знал о загадочных колдунах, но даже из тех скудных сведений можно было с уверенностью заключить, что они занимают самые высшие чины в иерархии Фригольда. Саардины постоянно перевозносили их таланты и мудрость, хотя в такой откровенной лестнице не было необходимости: каждый колдун при вступлении «в должность» и так давал клятву трудиться на благо всего Фригольда. Хотя, наверное, ничто человеческое им не чуждо... Во всяком случае, Ронин всегда думал, что обиталище колдуна должно находиться на каком-то из верхних этажей. И тем не менее сейчас они спускались. Ронин недоумевал. Конечно, никто ничего не знает о колдунах. Говорят только, что все они – не без странностей. И если кто-то из них решил поселиться с нирами на границе Среднего Уровня, то не его это, Ронина, ума дело.

На площадках между этажами лестница расширялась. Они прошли уже несколько этажей. Их тени плясали в мерцающих отсветах факела, металась по каменным стенам и низкому потолку, точно причудливые пародии на человеческие фигуры, – безликие и пустые, не знающие ни желаний, ни мыслей, они то бросались прочь, то подступали почти вплотную к своим двойникам-людям.

Наконец они добрались до нужного этажа и вошли в коридор – точно такой же, как тот, с серыми стенами, наверху. С той только разницей, что здесь стены были покрашены в зеленовато-коричневый цвет. Даггам потушил факел и убрал его в нишу в стене.

Здесь жизнь была уже более оживленной. Люди – мужчины и женщины – ходили туда-сюда. Негромкий гул отдаленных голосов наполнял воздух шумом, похожим на шорох при боя. Они прошли метров двести, не больше, и оказались перед темно-зеленой дверью, которая выделялась среди других. Все остальные двери на этом этаже были тусклого зеленовато-коричневого, под цвет стен. Перед дверью стояли на страже два даггама.

Даггамы – те, что стояли на страже, и те, что пришли со Сталигом и Ронином, – тихонько обменялись несколькими фразами. Потом один из стоявших у двери – тот, который пониже, – кивнул, повернулся и постучал в дверь каким-то условным стуком. Второй стражник открыл ее, и все шагнули внутрь... все, кроме Ронина. Он тоже хотел войти, но один из стражников преградил ему путь.

– А ты куда? – Он умудрился задать свой вопрос тоном одновременно скучающим и презрительным.

– Я с целителем.

Ронин встретился взглядом со стражем и не отвел глаз. Круглое, с двойным подбородком лицо даггама казалось несоразмерно большим для маленького носа картошкой и близко посаженных глаз неопределенного грязного цвета. Вот он – прекрасно отлаженный механизм, подумал Ронин про себя. Машина мгновенного реагирования, неукоснительно исполняющая любой приказ. Я таких повидал немало.

Даггам распахнул квадратную пасть. Его мясистые красные губы двигались с явной неохотой, как дверцы проржавелой калитки.

– Ничего не знаю. Давай-ка вали отсюда, пока не нарвался на неприятности.

Охранник толкнул Ронина в грудь, но тот не сдвинулся с места. В глазах даггама промелькнуло удивление – он привык, что ему подчиняются беспрекословно. Ему нравилось, что другие боятся его. Нравилось вызывать этот страх и любоваться им, как палачу нравится любоваться ужасом своих жертв. Но в глазах незнакомца не было страха, и даггама это, видимо, обеспокоило. В нем закипела глухая злоба. Он принялся яростно тереть кинжал, висевший у него на груди.

Рука Ронина легла на рукоять меча. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы в этот момент в дверях не возник целитель.

– Сталиг, ах ты старый, рассеянный...

Целитель широко распахнул глаза:

– Ронин. А я тебя потерял. Пойдем.

Ронин шагнул вперед, но даггам опять преградил ему дорогу. Охранник, похоже, разъярился не на шутку. Он свирепо замотал головой. Угрожающе блеснул клинок.

Но тут за спиной у Сталига появился еще один человек. Худое длинное лицо. Раздвоенный подбородок, упрямо выдающийся вперед. Высокий лоб. Черные как смоль волосы, такие гладкие и блестящие, что они отдавали синевой. Большие, широко расставленные глаза пронзительно-голубого цвета. Их пристальный взгляд, казалось, впитывал в себя все, ничего не упуская, и при этом он не выдавал ничего.

– Тихо, Марш. Пропусти этого парня, – прозвучал повелительный голос. Человек этот явно привык, что его приказания исполняются беспрекословно.

Марш среагировал мгновенно, освободив Ронину дорогу. Но он лишь исполнил приказ. Когда Ронин прошел, даггам проводил его взглядом, исполненным тихой ярости, стараясь, однако, не выдавать своих чувств, чтобы не навлечь на себя гнева саардина.

Ронин очутился в вестибюле, откуда можно было пройти в две комнаты. Та, что слева, была обставлена опрятно и по-деловому: большой рабочий стол, несколько столиков в ряд у стены, походная узкая койка. Обшарпанные шкафчики, развешанные по стенам. В центре комнаты – одинокий стул. Там было темно, но Ронин все же сумел разглядеть распростертую на кровати фигуру.

Другая комната, справа, была не настолько «функциональной». Вдоль стен стояли низенькие кушетки и мягкие кресла. На самой дальней кушетке за накрытым к трапезе столом с удобством расположились даггамы – среди них Ронин заметил и тех двоих, что приходили за Сталигом. Сам Сталиг стоял в вестибюле в компании двух «безопасных» и черноволосого командира. Ронин подумал, что для того, чтобы соорудить подобное помещение, пришлось, наверное, выломать часть стены. Двухкомнатные апартаменты были редкостью даже на Высшем Уровне, а уж здесь, внизу...

– Эй, Ронин, – окликнул его целитель. – Это – Фрейдал, саардин службы безопасности Фригольда.

Фрейдал отвесил Ронину легкий поклон – при этом длинное его туловище как бы переломилось в поясе. Жест показался Ронину несколько театральным. Саардин не улыбнулся. Взгляд его пристальных глаз, в которых нельзя было прочесть ничего, лишь на мгновение задержался на Ронине, а потом саардин опять повернулся к Сталигу, чтобы продолжить прерванный разговор.

Фрейдал был одет во все серое, за исключением высоких серебристых сапог и такого же цвета косых нашивок. Интересно, отметил про себя Ронин. Ботфорты длиной по колено служили отличительным знаком саардинов, а косые нашивки – чондринов. Выходит, Фрейдал – и верховный лорд-главнокомандующий, и одновременно тактик. Глаза и уши в одном лице.

– Вы можете за него поручиться? – как раз спрашивал Фрейдал у Сталига.

– Еще бы! – отозвался целитель, потирая лоб. – Или вы думаете, он сбежит отсюда вместе с Борросом? Чепуха.

Фрейдал смерил целителя ледяным взглядом.

– Это дело особой важности. – Медные рукоятки кинжалов у него на груди поблескивали при каждом его движении. – Речь идет о безопасности всего Фригольда. Я не могу позволить себе рисковать.

Его манера говорить была какой-то уж очень официальной и даже несколько старомодной. Он стоял очень прямо, отчего казался еще выше.

– Я уверяю вас, Ронин – человек надежный, – заверил саардина Сталиг. – Он просто наблюдает, как я работаю, и он здесь лишь потому, что я сам его пригласил.

– Я полагаю, что вы не настолько глупы, чтобы мне лгать. Иначе последствия были бы самыми неприятными. Как для вас, так и для вашего друга.

Фрейдал мельком взглянул на Ронина, и его левый глаз сверкнул серебром в свете электрической лампы. Ронин невольно вздрогнул. Саардин опять повернулся к Сталигу. Наверное, почудилось, сказал себе Ронин. Обычное отражение. Хотя нет. Уж слишком оно было ярким, как вспышка. Потом он сообразил: левый глаз у Фрейдала был неподвижен, – причем он заметил это с самого начала, но как-то не придавал значения.

Сталиг поднял руки.

– Я вас прошу, саардин. Вы неправильно меня поняли. Я только хотел вас заверить...

– Доктор, позвольте мне еще раз прояснить ситуацию. Я вызвал вас не потому, что мне очень этого хотелось. Ваше присутствие здесь внушает мне опасение. Так же, как и присутствие вашего друга. Я занимаюсь вопросами безопасности и всем, что с этим так или иначе связано. Как вы понимаете, мне приходится заниматься делами чрезвычайной важности. Была бы на то моя воля, никто, кроме специально отобранного персонала, не посмел бы явиться сюда ко мне. Впрочем, теперь мне приходится мириться с тем, что подобное положение вещей больше уже невозможно. Колдун Боррос серьезно болен. Мои собственные советники по медицине не в состоянии ему помочь. Они говорят, это выше их сил. Следовательно, если нам нужно, чтобы Боррос остался жив, нам необходима помощь высококлассного специалиста. А мне нужно, чтобы он остался жив. Но вы, однако, испытываете мое терпение. Пожалуйста, осмотрите его, попробуйте что-нибудь сделать и уходите отсюда. Чем быстрее, тем лучше.

Сталиг легонько склонил перед Фрейдалом голову, подчиняясь его приказанию:

– Как вам будет угодно. Однако могу ли я вас попросить сообщить мне о тех событиях, которые непосредственно предшествовали заболеванию Борроса?

Подобострастный тон доктора возмутил Ронина до глубины души.

– Могу я поинтересоваться – зачем?

Сталиг вздохнул, и лицо его сделалось вдруг каким-то усталым. Ронину показалось даже, что на нем стало больше морщин.

– Саардин, разве я стал бы расспрашивать вас только из праздного любопытства? Вы защищаете Фригольд, и руки у вас не должны быть связаны. Я лишь прошу вас об одолжении. Я тоже не могу действовать вслепую.

– Стало быть, это так важно?

– Чем больше я буду знать, тем больше шансов помочь пациенту.

– Ну хорошо.

Саардин сделал знак рукой, и на пороге комнаты возник еще один даггам, которого они не заметили раньше. На стиге левого локтя он держал табличку, в правой руке – перо.

– Мой писарь всегда при мне, – сказал Фрейдал. – Он записывает все, что говорю я, и все, что говорят мне. Чтобы потом не возникло каких-то... недопониманий. – Саардин скользнул равнодушным взглядом по Ронину и опять обратился к целителю. Невозможно было угадать, что у него на уме. – Он зачитает отчет, который он мне приготовил сегодня утром.

– Отлично, – ответил на это Сталиг. – Но сначала я должен осмотреть Борроса.

Фрейдал натянуто поклонился. Они молча прошли в темную комнату, где на кровати лежал человек.

– Извините, что здесь недостаточно света, – проговорил Фрейдал без тени, впрочем, сожаления. – У нас сломалась осветительная система.

Комната освещалась лишь тусклым неверным пламенем двух масляных ламп.

На кровати – самой что ни на есть обычной деревянной раме с грудой мягких подушек – лежал человек. Он был привязан к ложу кожаными ремнями. Один ремень проходил поперек груди, второй – по ногам. Сталигу с Ронином пришлось подойти совсем близко, чтоб разглядеть его в тусклом свете чадающего пламени.

Человек этот был необычный во всех отношениях. Длинный торс, широкая мощная грудь, очень узкие бедра. Пальцы рук – длинные, тонкие, с невероятно длинными ногтями, которые были к тому же почти прозрачными. Но больше всего Ронина поразило его лицо. Вытянутая, овальной формы голова практически лишена волос. Странного темного цвета кожа с желтоватым оттенком, туго обтягивающая череп и скулы. Дышал больной учащенно. Глаза его были закрыты. Сталиг склонился к нему, не теряя времени, и начал осмотр.

В этот момент писарь начал читать:

– "Записано 27-го цикла периода Саджита..."

Фрейдал остановил его движением руки.

– Пожалуйста, только текст.

– "Заявление Мастаада, состоящего техником при Борросе, колдуне. В течение многих циклов мы работали над завершением проекта, конечную цель которого Боррос упорно отказывался называть. Я занимался соединением элементов и контролем над ними. В течение нескольких циклов подряд Боррос работал без перерывов. Если я уходил от него к концу шестой смены, то, возвращаясь к началу второй, я заставлял его за работой. Впечатление складывалось такое, что он вообще не вставал из-за стола. Три цикла назад, заступая в смену, я застал его в состоянии крайнего возбуждения. Однако мне он ничего не сказал, хотя я, беспокоясь за его здоровье, умолял его..."

– А это что, саардин? – прервал писаря Сталиг, который все это время сосредоточенно осматривал неподвижного пациента. Ронин наклонился поближе и увидел на висках колдуна два маленьких пятнышка – настолько маленьких, что даже Сталиг не сразу заметил их, – треугольной формы, похожих на грязь от угольного карандаша.

Теперь Фрейдал тоже увидел их, и Ронин буквально физически ощутил, как в комнате скапливается гнетущее напряжение.

– Это вы у нас доктор, – проговорил саардин, не сводя глаз с неподвижного тела. – Вот вы мне и скажите, что это такое.

Сталиг явно хотел возразить, но потом, видимо, передумал. На какое-то время воцарилась неуютная тишина, а потом Фрейдал опять поднял руку, и писарь возобновил чтение своих записей:

– "...рассказать мне все. Но он отказался и при этом повел себя агрессивно, так что настаивать я не стал. На следующий цикл он стал еще агрессивнее. Раздражение его увеличилось, руки дрожали, голос срывался... он начал ко мне придирааться. Казалось, он ищет повод, чтобы меня оскорбить. Когда я пришел во вторую смену, он накричал на меня. Велел мне уходить. Заявил, что ему больше не нужен техник, а потом разразился какой-то бессвязной речью. Я испугался за его состояние и попытался его успокоить, но он совсем обезумел, набросился на меня и вышвырнул в коридор. Я сразу пришел сюда, чтобы..."

Саардин подал знак, и писарь умолк.

– Почему вы его изолировали? – спросил Сталиг, выпрямляясь и оборачиваясь к Фрейдалу.

– Сэр, я хочу знать, будет ли Боррос жить, а если да, то сможет ли он исполнять свои прежние функции. Когда я получу ответы на интересующие меня вопросы, я с удовольствием удовлетворю ваше праздное любопытство.

Сталиг вытер пот со лба.

– Он будет жить, саардин. Я уверен, что будет. Что касается восстановления всех его прежних способностей, я ничего не могу сказать определенно. Надо дожидаться, пока он не придет в себя. Я должен проверить его рефлексы.

Саардин на секунду задумался.

– Сэр, этот человек оказал сопротивление моим даггамам. Он первым напал на них, хотя они не причинили ему никакого вреда. Они были вынуждены усмирить его и проследить за тем, что он больше никому не будет угрожать. То, что мы сделали с ним, было сделано прежде всего ради его собственной безопасности.

В первый раз за все это время Фрейдал улыбнулся. Когда он улыбался, он был похож на хищного зверя. Впрочем, улыбка мелькнула и тут же исчезла, как будто ее и не было.

– Все равно так нельзя обращаться с людьми, – сухо заметил Сталиг. – Это бесчеловечно.

– Это была вынужденная мера, – пожал плечами Фрейдал.

Оставив двух даггамов на пороге сумрачной комнаты и велев им немедленно уходить, как только целитель закончит осмотр больного, саардин поспешил уйти.

– Если Боррос умрет, вы мне лично за это ответите, – бросил он Сталигу на прощание.

Когда Сталиг с Ронином остались одни, целитель принялся тихонько насвистывать себе под нос, что выдавало его крайнее нервное напряжение. Он тяжело опустился на единственный в комнате стул и весь как-то сник. Его пальцы, сцепленные в замок, легонько дрожали. Казалось, за считанные секунды он постарел на несколько лет. Сердце Ронина наполнилось жалостью.

– Я дурак, – сказал вдруг Сталиг. – Зачем я тебя потащил с собой?! Не надо мне было этого делать. Ладно, в молодости я был отчаянным и безмозглым. А теперь я уже старик, и мне следовало бы сообразить, чем это все может кончиться.

Ронин похлопал его по плечу. Ему хотелось сказать что-нибудь Сталигу, как-то его подбодрить, но он не сумел ничего придумать.

– Теперь он запомнит тебя, учти. – Сталиг с тревогой взглянул на Ронина. Тот попробовал улыбнуться, но у него ничего не вышло.

Целитель встал и вернулся к лежащему колдуну. Ронин молча застыл на месте, глядя на этого странного человека с желтой кожей, привязанного к кровати. Мутный оранжевый свет переливался на его длинных прозрачных ногтях, образуя причудливые узоры бликов.

Боррос открыл глаза как раз в тот момент, когда Сталиг принялся рыться у себя в сумке. Так что именно Ронин первым заметил это и тихонько окликнул целителя.

В полумраке Ронин не смог как следует разглядеть глаза колдуна. Он заметил только их необычный удлинённый разрез.

– А, – тяжело выдохнул Боррос, – а-а.

Он несколько раз моргнул. Потом веки закрылись. Губы были сухими.

– Наркотики, – констатировал Сталиг, оттянув веко больного и рассмотрев его глаз.

– А-а, – простонал колдун.

Ронин склонился поближе к Сталигу, так, чтобы даггамы у дверей не смогли их подслушать.

– Зачем они его так наказали?

– Саардин бы, конечно, ответил, что все это сделано для того, чтобы облегчить страдания несчастного. Но я бы ему не поверил.

– Почему?

– Ну, во-первых, это не тот наркотик. Боррос уже потихоньку приходит в себя, но наркотик все еще действует. Будь это обычное успокоительное, он бы либо лежал до сих пор в отключке, либо давно бы уже очнулся и поинтересовался, что с ним происходит...

Колдун опять застонал.

– Боррос, вы меня слышите? – склонился над ним Сталиг.

Больной заметно напрягся.

– Нет, – выдохнул он едва слышно. – Нет, нет, нет... – В уголке его рта показалась слюна. – Нет, нет...

– Боже милостивый, – прошептал Сталиг.

Колдун замотал головой. Рот его искривился в беззвучном крике. Жилы вздулись на шее. Сталиг достал у себя из сумки какое-то снадобье и дал его Борросу. Тот успокоился почти сразу: глаза закрылись, дыхание стало ровнее. Целитель отер пот со лба. Ронин открыл было рот, но Сталиг остановил его взмахом руки.

– Я сделал все, что мог, – произнес он, повысив голос.

Доктор забрал свою сумку, и они с Ронином вышли из полутемной комнаты.

– Передайте вашему саардину, – буркнул Сталиг на ходу, обращаясь к даггамам, стоявшим на страже у двери, – что я вернусь на седьмую смену, чтобы проверить состояние пациента.

– Ты что-нибудь выяснил? – спросил Ронин.

Привычная обстановка действовала успокаивающе. Осветительные приборы отбрасывали тусклый свет, который казался немного зловещим. В углу, на стопке чистых табличек стояли наготове масляные светильники – на тот случай, если погаснет свет. Где попало валялись скомканные листы бумаги. На противоположной стене прямоугольником темноты чернела открытая дверь в операционную.

Сталиг покачал головой:

– Я не хочу тебя втягивать в это дело. С тебя достаточно и встречи с саардином по безопасности.

– Но ведь я...

– Я давал клятву. – Сталиг, казалось, злился на самого себя. – И если я говорю, что я ничего не помню, я действительно ничего не помню. Я – целитель. Для меня Боррос – просто еще один пациент, которому нужно помочь.

– Но он необычный пациент, – возразил Ронин. – Ты что-то узнал, но мне почему-то сказать не хочешь.

– Это слишком опасно...

– Да иди ты к черту! – воскликнул Ронин. – Я уже не ребенок, которого надо оберегать.

– Я не то имел в виду...

– Разве? Так что же тогда?

Между ними повисла пауза, и в напряженной этой тишине Ронин почувствовал реальную опасность. Если сейчас кто-то из них не заговорит, вполне вероятно, их давней дружбе придет конец. Странное ощущение. Ронин не знал, почему оно вдруг возникло, и это его беспокоило.

Сталиг опустил глаза.

– Я... я всегда относился к тебе как к сыну. Мне, как целителю, многие вещи в жизни просто недоступны... те вещи, которых я так сильно желал когда-то. Ты и твоя сестра – вы всегда были мне очень дороги. А потом... потом остался лишь ты один. – Он говорил очень медленно с трудом подбирая слова. Ронин не знал, как ему помочь. Бывают в жизни такие моменты, когда человеку ничем не поможешь. – Я понимаю, ты теперь меченосец. И я знаю, что это значит. Но время от времени я вспоминаю того мальчишку...

Сталиг налил себе вина, проглотил его залпом, потом налил еще – себе и Ронину.

– Вот почему, – продолжал он как ни в чем не бывало, – если ты так настаиваешь, я расскажу тебе, что я узнал.

И целитель поведал Ронину, что в результате осмотра он убедился в том, что даггамы держат Борроса в изоляции уже давно. Явно не один цикл.

– Возможно, даже семь циклов. Трудно судить. Очень сильный наркотик.

По внешним проявлениям действия снадобья, а также по специфической реакции Борроса на голос Сталига целитель определил тип наркотика и заподозрил также, что сотрудники безопасности пытались выудить у колдуна информацию.

– У них это называется «взять интервью», – продолжал он. – Наркотик, который они ему дали, помимо всего прочего, подавляет волю. Иными словами...

– Они залезли ему в сознание.

– Попытались залезть.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, все эти приемы – достаточно хитрая штука... но они не всегда дают необходимые результаты.

– Но почему бы им просто не конфисковать его записи? Это было бы проще.

– Целитель пожал плечами.

– А может, они не сумели их расшифровать. Откуда мы знаем? Но в одном я уверен. Почти все, что мы слышали от Фрейдала, – неправда.

– Но зачем им такой огород городить, не пойму. Впрочем, если все твои выводы верны, выходит, что органы безопасности сознательно вмешались в работу колдуна.

– Вот именно, – кивнул Сталиг. – Да еще эти пятнышки Дехна...

Тут он осекся. Из темноты операционной донеслись приглушенные звуки шагов.

– Время идет. Уже скоро Сехна, – как можно громче произнес целитель и добавил, понизив голос: – Тебе надо идти на ужин. Понятно?

Ронин молча кивнул.

– Завтра, все завтра.

Доктор снова повысил голос:

– Ладно, зайдешь попозже. Мне надо будет еще раз взглянуть на этот твой синячище.

Он подмигнул Ронину. Тот понимающе кивнул в ответ, встал и пошел на выход. В операционной Ронин столкнулся нос к носу с двумя даггамами, которые направлялись к Сталигу в кабинет.

Он прошел мимо единственного работающего в этом секторе лифта, потому что очередь на него была слишком длинной, а ему не хотелось ждать. Его несколько раз окликали, он рассеянно улыбался в ответ и небрежно махал рукой, но ни разу не остановился ни для официального обмена приветствиями, ни для дружеского разговора.

Тело его, как это часто бывало, двигалось автоматически. Он шел, погруженный в свои мысли, лишь мельком замечая окружающую обстановку, – ноги его сами знали дорогу до нужной лестницы, которая вела наверх, на его этаж.

Именно из-за своего отрешенного состояния он прошел мимо Ниррена, не заметив его. Ниррен – высокий и смуглый, с орлиным носом и глубоко посаженными глазами – нисколько этому не удивился. Он схватил Ронина за руку и развернул к себе лицом. Ронин почувствовал, что кто-то к нему приближается, еще до того, как чондрин дотронулся до него, и не стал сопротивляться. Но внутренне он приготовился, и когда этот «кто-то» рванул его на себя, Ронин молниеносным движением вытащил меч из ножен. Клинок сверкнул, отражая свет. И только тогда Ронин увидел, с кем он собирался сражаться.

Ниррен засмеялся, обнажая ровные белые зубы.

– Когда-нибудь я тебя все-таки наколю.

Ронин, улынувшись, вложил меч в ножны.

– Сегодня неподходящий денек для твоих этих шуточек. – Улыбка Ронина мгновенно погасла.

Чондрин, однако, пребывал в самом веселом расположении духа. Он вытаращился на Ронина, комично выпучив глаза, и этак потешно прошептал, кладя руку ему на плечо:

– А-а, тяжкие тайны, каковыми тебе невтерпеж поделиться со старым и умудренным другом. Поведай мне все, и на тебя снизойдет бесконечная благодать.

Ронин вспомнил предостережение Сталига и тут же сам на себя разозлился. Его действительно мучили кое-какие вопросы, и Ниррен, возможно, мог дать ответы на некоторые из них. Как бы там ни было, он мой друг, сказал он себе и невольно вздрогнул. Мой единственный друг.

– Ладно. – Он улыбнулся. – Пойдем ко мне.

Они вышли на лестницу, и Ниррен зажег факел.

– Опять сегодня устроил себе двойную загрузочку на тренировках?

Ронин утвердительно кивнул.

– Когда же ты наконец перестанешь валять дурака и займешься чем-нибудь более конструктивным?

– Например?

Чондрин ухмыльнулся:

– Ну... сейчас как раз появилась вакансия. Хорошая должность у Джаргисса...

– Да, я уже в курсе...

– Нет, ты подожди. Для саардина он очень даже ничего. Умный, ловкий и к тому же прекрасный стратег. Вы бы с ним поладили, я уверен. И он уделяет большое внимание защите.

Это был любимый конек Ниррена. Он мог разглагольствовать часами, разбирая стратегию гипотетических сражений, прорабатывая до мельчайших деталей тактику нападения и защиты. Он считал, что если ты сам выбираешь себе стратегию защиты, то у тебя девять шансов из десяти взять верх над противником, даже если за ним явное численное преимущество.

– Я еще не встречал саардина, который бы мне понравился, – заметил Ронин.

– А скажи мне, друг мой, знаешь ли ты Джаргисса?

Ронин покачал головой.

– Мы словно все время играем с тобой в одну и ту же игру. Нет, я не знаю его. Не знаю и знать не хочу. Сколько раз мне тебе повторять?

Ниррен усмехнулся, пожав плечами:

– Но я все же лелею надежду, что когда-нибудь ты попросишь меня устроить вам встречу.

Ронин легонько коснулся рукой косых оранжево-коричневых полосок на коричневой рубашке чондрина.

– Это вряд ли.

– Послушай, если ты это из-за Саламандры, то тебе надо просто подождать...

– Дело не в этом.

– А я думаю, что как раз в этом.

Оба они замолчали, пристально разглядывая друг друга в неровном пляшущем свете факела. Было слышно, как легонько потрескивают тростниковые прутья и как откуда-то изда- лека, словно из другого мира, доносится топот крошечных лапок по бетонному полу. Потом раздался звук человеческих шагов, но тут же затих вдалеке. Казалось, стало намного темнее.

Ронин с удивлением услышал свой собственный голос:

– Возможно, ты прав.

И всю дорогу до нужного этажа он не переставал поражаться, что это вдруг на него нашло.

У Ронина были двухкомнатные апартаменты, то есть ровно на комнату больше, чем у других меченосцев. Такие просторные помещения полагались чондринам; а саардинам, естественно, полагалось еще больше места.

К'рин была уже там. Она успела уже уложить свои черные волосы для Сехны, забрав их наверх, но еще не переделалась. На ней был рабочий костюм: леггинсы в обтяжку и широкая свободная рубашка с короткими рукавами, скрывающая фигуру. Она была очень высокой – почти одного роста с Ронином. Изящная длинная шея, пухлые губы, широко расставленные темные глаза. Когда Ронин с Нирреном вошли, она улыбнулась и легонько коснулась руки Ронина.

Он удивился, потому что не ожидал застать ее у себя. Она должна была сейчас либо заканчивать смену на курсах медподготовки, либо переодеваться к Сехне у себя в апартаментах.

К'рин пропорхнула мимо них к двери.

– Я их у себя обыскала, – она помахала у них перед носом серебряными браслетами, – но потом вспомнила, что оставила их здесь.

Она показала Ниррену язык. Ниррен в ответ ухмыльнулся.

– Все, я бегу... а то не успею на Сехну. – К'рин умчалась, захлопнув за собой дверь.

Ронин прошел к буфету, достал графин и бокалы, разлил вино. Он уже напрочь забыл о К'рин.

Они с Нирреном сели на низкие пуфики, друг против друга. С потолка лился резкий ослепительный свет – в этом искусственном свете лица людей кажутся бесцветными и безжизненными. Ниррен не спеша потягивал вино. Бокал Ронина стоял на полу нетронутый. Он рассказал чондрину о своей встрече с Фрейдалом.

Глаза Ниррена на мгновение вспыхнули.

– Ну и что ты по этому поводу думаешь?

Ниррен встал и принялся мерить шагами комнату.

– Думаю, прежде всего надо выяснить, с чего бы Фрейдал так носится с этим колдуном.

– Они уверяют, что он помешался.

– Если это и правда, то, может быть, это случилось не без их непосредственного участия.

– А пятна?

Ниррен резко развернулся.

– Что?

– Эти странные пятна у него на висках.

– А, да. Пятна Дехна. Скорее всего это именно пятна Дехна. Тем более нужно как можно скорее выяснить, что замышляет Фрейдал. Очень немногие знают о Дехне. Это – такая машина Древних. Одно из этих загадочных изобретений, которые не дают нам погибнуть здесь... на глубине трех километров под поверхностью планеты. Они снабжают нас воздухом, светом, теплом. В общем, мы знаем, что они делают, эти машины, но как они действуют – выше нашего понимания. – Теперь в голосе Ниррена слышалась горечь. – Но как бы там ни было, наших познаний достаточно для того, чтобы всем этим пользоваться. В тех местах, где ты видел пятна, к голове прикрепляются провода. Электрический разряд идет в мозг. Это напоминает устройство нашей осветительной системы. Помнишь историю с этим ниром, который открыл панель и дотронулся не до того провода? Когда его нашли, он был весь черный и от него жутко воняло. Его и опознали-то с трудом, потому что нагрудный знак расплавился.

Ниррен сел и отпил вина.

– В любом случае аппарат Дехна небезопасен. Так мне говорили. С его помощью очень удобно выуживать у мятежников информацию. Но его очень трудно держать под контролем, что при нашем невежестве в общем-то не удивительно...

Он замолчал, погруженный в раздумья. Потом добавил:

– Что, интересно, задумал Фрейдал?

Ронина вдруг охватило какое-то странное волнение.

– Если я правильно тебя понял, ты утверждаешь, что саардин по безопасности не только вмешался в работу колдуна, но еще и... пытается его, чтобы выудить информацию, необходимую для каких-то его тайных целей?

– Именно так, дружище. – Ниррен поднял вверх указательный палец, и глаза его сверкнули. – Но для тебя лично это хороший шанс. Война уже не за горами, и, когда она грянет, Фрейдал с Джаргиссом окажутся по разные стороны баррикад. Мы с ним враги. – Он приобнял Ронина за плечи. – Послушай, приятель. Спокойное время прошло. Если будет война, никто не останется в стороне. Это коснется всех. Ты обязан помочь нам. Попроси Сталига. Пусть он поговорит с Борросом, пока еще есть время. Это единственная для меня возможность подобраться к Фрейдалу. Если мы завладеем его секретом, у нас будет явное преимущество.

– Возможно, Фрейдалу не удалось «раскрутить» Борроса.

– Это было бы слишком хорошо.

Ронин взглянул на него.

– А то, что они сотворили с Борросом, тебя не волнует? Я даже не знаю, сможет ли он теперь вообще оклематься после того, чем они его там накачали.

Взгляд Ниррена смягчился.

– Дружище, взгляни правде в глаза. Речь идет о куда более важном, чем судьба одного человека. Все мы – всего лишь частички единого целого. Саардины погрязли в раздорах. Фригольд рушится у нас на глазах. Ты у нас вольная птица, не состоишь ни при ком. Наверное, поэтому ты еще не осознал до конца, что происходит. Но поверь мне, для того, чтобы выжить, нам придется как следует поработать. Сейчас никого не заботит благополучие Фригольда. Понимаешь? Все они слишком увлечены укреплением своих позиций. Но все это кончится полным крахом. Для всех.

– А может быть, крахом все кончится не из-за этого, а из-за вашей войны? – спросил Ронин.

Ниррен поморщился, беспомощно уронив руки.

– Я не буду с тобой спорить. Мне со своими хватает споров – каждую смену мы только и делаем, что дискутируем. Я не за этим сюда пришел.

Он усмехнулся и залпом допил вино.

– А ты все же подумай о том, что я тебе сказал. Больше я к этой теме не возвращаюсь. Просто имей в виду, что я тебе доверяю. Идет?

Ронин кивнул, а про себя подумал: «Когда он так улыбается, трудно не заразиться его энтузиазмом».

– Как вам будет угодно, – шутливо расшаркался он.

Ниррен засмеялся и встал.

– Ну вот и славно. Тогда я пойду. Я и так едва успеваю переодеться. Увидимся на Сехне.

Оставшись один, Ронин взял свой нетронутый бокал и отхлебнул вина. Оно было холодным и терпким, но Ронин не чувствовал вкуса – ему казалось, он пьет обычную кисленькую водицу.

Сехна. Вечерняя трапеза. Священное время. Как много разных традиций, подумал Ронин, входя в главный зал. А сколько сменилось до нас поколений... они покоятся теперь в земле, и мы помним о них лишь потому, что когда-то они, эти люди, установили традиции.

Жар и шум голосов обдали его горячей слепящей волной. Непрерывное беспорядочное движение. Главный зал был огромен. Его отдаленные закоулки скрывались в дыму и чаду. Ровными рядами – длинные столы и скамьи с низкими спинками. Рука Ронина машинально потянулась туда, где обычно на поясе висел меч, и не встретила привычной тяжести оружия. Без меча Ронин чувствовал себя как-то странно. Неуютно. Но появляться с оружием в трапезной было строжайше запрещено.

Он прошел в правую половину зала, повернул в нужном месте и зашагал вдоль узкого прохода между столами. На нем были леггинсы и рубашка светло-кремового цвета что лишний раз подчеркивало его независимое положение – ни один из саардинов Фригольда не использовал этот цвет в качестве своего отличительного знака. Разносчики расступались, давая ему дорогу и поднимая над головой громадные подносы с горячей едой, кружками темного пива, графинами сладкого янтарного вина. В воздухе перемешались запахи разнообразных яств легких духов и тяжелого пота.

Добравшись до своего стола, Ронин занял привычное место между Нирреном и К'рин. Она была увлечена беседой с одним меченосцем, который сидел рядом с ней. Ронин видел лишь темные блестящие волосы и ощущал аромат ее духов. Тельмис, сидевший напротив, молча поприветствовал его, приподняв бокал, а его сосед Г'фанд, светловолосый юноша, совсем мальчишка, что-то говорил разносчику.

– Ну что, как успехи у нашего ученого мужа за эту смену? – спросил его Ронин.

Г'фанд повернулся к нему и опустил глаза, не выдержав пристального взгляда Ронины.

– Все так же, – тихо ответил он.

Ниррен рассмеялся.

– А что вообще может случиться... куда-нибудь денется древняя рукопись?

Он опять засмеялся, и кровь прилила к щекам Г'фанда. К'рин повернулась к ним и, увидев смущение юноши, положила свою ладонь поверх его руки.

– Да не обращай ты на них внимания. Им просто нравится тебя дразнить. Они считают, что их, умение махать мечом – это самое главное во Фригольде.

– А вы, госпожа, можете доказать обратное? – отпарировал Ниррен. – Интересно бы было послушать.

– Успокойся, – осадила его она.

– Да все нормально, – натянуто проговорил Г'фанд. Он как будто боялся, что никто не станет его слушать. – Я ничего другого от него и не жду.

– А от меня? – спросил Ронин, откинувшись на спинку скамьи. Тут как раз подошел разносчик, чтобы наполнить его тарелку. Ронин попросил вина вместо пива.

Г'фанд молчал, не поднимая глаз.

Ронин принялся за еду, но мысли его были далеко.

– Ладно, отныне и впредь я постараюсь тебя не подкалывать.

В этот момент появились Томанд и Бессат. Приветствовали вновь прибывших шумно и наперебой. Толстяк Томанд всегда служил благодатным объектом для дружеского подтрунивания, а тут еще надо было как-то разрядить напряжение за столом. В конце концов, Сехна есть Сехна. Время расслабиться и отдохнуть независимо от того, что творится сейчас во Фригольде.

Наконец за столом воцарилось спокойствие. Подали еду. Гул голосов нарастал, жара стала невыносимой.

– Побери меня мороз! – выругался Ниррен. – Почему здесь так жарко?

Томанд вдруг перестал жевать и, утирая пот со лба, поманил Ниррена пальцем. Тот склонился поближе.

– Только между нами, – Томанд многозначительно покосился на Ронины. – У нас проблемы с вентиляцией.

Он отправил в рот очередной здоровенный кусок.

– Поэтому мы и опоздали на Сехну – пытались выяснить, в чем загвоздка.

– И безуспешно, как я понимаю, – заметил Ниррен.

Томанд скривился:

– Это выше наших возможностей. Слишком много утрачено знаний. – Прожевав, он продолжил: – Мы только и можем, что все прочистить. А как мы возьмемся, скажем, за ремонт,

если не знаем, как эта штука устроена. Записи Древних почти все утеряны. Остались одни машины...

– Нет, – вмешался Г'фанд, – если мы уничтожим машины, мы уничтожим себя.

Томанд умолк. Вилка с очередным куском замерла на полпути к салъному рту.

– О чем это ты?

– Я говорю, что все записи Древних были намеренно уничтожены в первые годы существования Фригольда.

Томанд отправил кусок в рот и промямлил:

– Что еще за ерунда? Кто же сознательно уничтожает знания?! Люди цивилизованные так не делают.

– Древние изобрели множество всяких вещей, – продолжал Г'фанд, тщательно подбирая слова. – Были среди них и смертельно опасные. И потом, они только и делали, что писали. Похоже, наши предки не очень-то полагались на тех, кто придет вслед за ними. Вот они и записывали все подробно, чтобы мы, их потомки, смогли воспользоваться их знаниями. Однако же шанс был упущен. Все записи Древних были уничтожены. Все без разбора. Вот почему я, ученый, не могу изучить их историю, а ты, нир, не можешь разобраться в том, как работают воздушные машины, а саардины не могут понять, как им будет сподручнее уничтожить друг друга и весь Фригольд.

Томанд вытер рот.

– Это ты сам до такого додумался? – язвительно осведомился Ниррен.

– Все это сказочки, – фыркнул Томанд. – Просто он хочет произвести впечатление. Даже младенцу известно, что...

– Да что ты вообще в этом смыслешь? – взорвался Г'фанд. – Ни черта ты не знаешь. Даже с работой своей и то не справляешься.

Томанд закашлялся, поперхнувшись. Бессат в тревоге взглянул на него, а Тельмис принялся хлопать Томанда по спине. Лицо Томанда налилось кровью, из глаз брызнули слезы.

– Да как ты смеешь! – только и выдавил он.

Но Г'фанд распалился уже не на шутку:

– Ты жирная свинья! Только и можешь, что жрать. Пользы от тебя никакой. Все вы, ниры, такие, никчемные и...

– Хватит, – вмешался Ронин. – Я думаю, Г'фанд, тебе следует извиниться перед Томандом.

Он сразу же понял, что не надо ему было этого говорить.

– А ты кто такой, чтобы мне тут указывать?! – набросился на него Г'фанд. Глаза юноши гневно сверкали, голос срывался, вены выступили на шее. Он вскочил на ноги и сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. – Это тебе следует извиниться перед всеми нами. Тебе на нас всех наплевать... – он в ярости взмахнул рукой, – на всех. Ты у нас важный такой. Тренируешься целыми днями. Считаешь себя лучше всех.

Его голос сорвался на крик. Даже не глядя по сторонам, Ронин почувствовал, что на них уже начали обращать внимание. Монотонный гул в зале затих. Так картина теряет вдруг краски под лучами яркого солнца. Воцарилась неуютная тишина.

– Г'фанд... – начала было К'рин, но он не обратил на нее никакого внимания, только еще сильнее сжал кулаки.

– Ты думаешь, ты какой-то особенный, потому что тебя привечал и учил Саламандра? Но для чего он тебя учил? Чтобы теперь ты сидел здесь с такими, как мы, не поступив ни к кому из саардинов?! Он, наверное, жестоко в тебе разочаровался!

Ронин сидел с безучастным видом. Поток гневных слов, казалось, не задевал его. Странно, но он сейчас думал о К'рин, о ее белой коже. А потом – безо всякой связи – перед мысленным взором его встало лицо человека, привязанного к кровати, с двумя маленькими

треугольными пятнышками на висках. Страшный, исполненный боли крик явственно прозвучал у него в ушах.

Погруженный в мысли, Ронин не успел увернуться от неожиданного удара Г'фанда. Стаканы на столе перед ними попадали, их содержимое разлилось по скатерти. Ронин вскочил, и они с Г'фандом повалились в узкий проход. Разносчики шарахнулись в разные стороны. Люди за ближайшим столом притихли, стараясь не попасть под горячую руку.

Г'фанд размахивал кулаками, распалая себя злобным рычанием. Ронин, пытавшийся отражать удары, пребывал в полной растерянности. Ему не хотелось увечить ученого, но, с другой стороны, хотелось быстрее закончить драку, пока в нее не вмешались даггамы – доблестные ребята из безопасности. Г'фанд ударил Ронина коленом в бок. Острая боль пронзила тело. У Ронина перехватило дыхание. «Сталиг хотя бы забинтовал меня, что ли», – мелькнула мысль. А потом боевой инстинкт возобладал. Свободной рукой Ронин двинул Г'фанда в челюсть. Удар получился что надо. Глаза ученого чуть не выскочили из орбит. Голова задергалась, как у тряпичной куклы. Ронин перевел дух и в этот момент вдруг почувствовал жгучую боль. Повернув голову, он увидел рукоятку кинжала, вонзившегося ему в плечо. Ронин с проклятием вырвал кинжал, швырнул его на пол и со всей силы ударил Г'фанда под дых. Он заметил еще, как глаза молодого ученого распахнулись и в них, точно пламя, зажегся страх. Кровь ударила в голову Ронина. Он занес кулак для второго удара, но вовремя взял себя в руки. Он тяжело дышал, пот заливал глаза. Потом он услышал какие-то странные звуки – это Г'фанда рвало на пол. Ронин тронул его за плечо. Только сейчас до него дошло, что он сделал и чем все это могло закончиться. Он огляделся в поисках кинжала.

Ниррен уже стоял рядом.

– Я позабочусь о Г'фанде, – сказал он тихо.

Ронин лишь молча кивнул и прижал ладонь к раненому плечу. Оно онемело, и боль пока еще не ощущалась, но надо было остановить кровотечение.

Подошла К'рин, опустилась перед ним на колени. Он заглянул ей в лицо. Пряди волос выбились из прически, как будто растрепанные ветром. Румянец на щеках. Приоткрытые губы. У него вдруг возникло какое-то странное ощущение: как будто он был инструментом и кто-то невидимый тронул чувствительную струну, извлекая чудесную музыку. Он невольно поежился, и К'рин, неверно истолковав это его движение, приобняла его за плечи. Он стяхнул ее руку. Она наклонилась к его плечу и – так быстро, что только он один это заметил, – облизала его руку, где между пальцами струилась кровь. Ронин поднялся на ноги, но все же успел увидеть, как сверкнули ее глаза.

– Дорогу! Дорогу! – раздался командный окрик.

Толпа зевая неохотно расступилась, и Ронин увидел двух даггамов, направляющихся к нему. Наверное, их кто-то вызвал. Ронин выругался про себя. Хуже всего было то, что он так и не успел поднять с пола кинжал Г'фанда. Куда-то он запропастился. «Безопасные» были уже совсем близко. Если они найдут кинжал...

– Из-за чего была драка? – обратился один из даггамов к Ронину.

Вокруг Ронина образовалось свободное пространство. Даггамы почему-то не обратили внимания на Г'фанда, которому помогал Ниррен.

Ронин поглубже вдохнул.

– Да так, пустяки. Небольшое недоразумение.

Даггам недоверчиво хмыкнул.

– Слишком уж много народу собралось поглазеть на это «небольшое недоразумение».

– Что вы, людей не знаете!

– Знаем-знаем. Вы, меченосцы, горазды на всякие выходки. Даже на Сехне и то умудрились повздорить. Если у вас есть проблемы, пожалуйста в зал боевой подготовки. Но только не здесь. Понятно?

Ронин кивнул:

– Так точно.

Второй даггам за все это время даже не шелохнулся. Он молча и пристально наблюдал за Ронином. Глаза его были настолько невыразительны и пусты, что казались нарисованными.

– Имя, – потребовал первый даггам.

Ронин назвал себя. «Безопасный» переписал имена всех присутствующих, а потом написал объяснение Ронина относительно причины драки.

– А что у тебя с плечом? – подал голос второй «безопасный».

– Я как раз собирался об этом спросить, – с плохо скрываемым раздражением буркнул первый.

– Просто чтобы потом без вопросов, – примирительно проговорил второй.

– Ну так что? – Карандаш выжидательно замер в воздухе.

– Я, наверное, поранился, когда упал. Об осколок порезался. Тут столько тарелок разбилось.

– Да, я вижу. – Даггам обернулся и крикнул в толпу: – Ну и чего стоим, здесь ничего интересного нет!

Народ стал потихонечку расходиться.

– Пойдем, – бросил даггам своему напарнику и, повернувшись к Ронину, заметил: – А вы чтобы все здесь убрали.

К'рин молча стояла рядом, держа руку у Ронина на плече. Он поглядел на Ниррена, и тот покачал головой:

– Я все сделаю. Ты о себе позаботься.

Он все еще поддерживал Г'фанда, который никак не мог прийти в себя.

Ронин кивнул и собрался уже уходить, но тут взгляд его упал на побледневшего и покрывшегося испариной Томанда. Бессат успокаивал толстяка, точно маленького ребенка. Они вдвоем подошли к Ронину, и Томанд сказал:

– Я не знаю, что... – Тут он заметил кровь. – Но он сам напросился.

– Все эти разговоры надо было когда-нибудь прекратить, – вставил Бессат. – Спасибо тебе.

Ронину вдруг стало противно.

– Это все так, болтовня. На самом деле он так не думает.

– Но он все же изрядно меня оскорбил, – едва ли не хныча, заметил Томанд. – Однако теперь, я уверен, он уже точно так не думает.

– Пойдем, – поспешила вмешаться К'рин, почувствовав, что разговор принимает опасный оборот. – Надо промыть тебе рану.

Ронин взглянул на нее.

– Да, – вздохнул он. – Пойдем.

– Кто-нибудь видел, как ты его подобрала?

– Думаю, нет. Они все были слишком заняты.

– Ну еще бы.

– Глубоко он вошел?

– По самую рукоятку.

Ронин сидел на кровати и вертел в руках кинжал Г'фанда, задумчиво разглядывая клинок, обагренный его же кровью. К'рин наклонилась над ним и принялась обрабатывать рану, время от времени роясь в открытой сумке, брошенной тут же, на кровати.

Сначала они пошли к Сталигу, хотя Ронин и подозревал, что это будет не слишком удобно. Но в операционной было темно, в кабинете – тоже, и никто не знал толком, куда ушел доктор и когда он вернется. Так что пришлось идти к К'рин, у которой дома хранились все необходимые препараты.

Тщательно продезинфицировав рану, она принялась зашивать края.

– Что с ним такое случилось? Мальчишка таскает оружие на Сехну... О чем он думает, интересно?! – возмущалась К'рин.

– Во-первых, он далеко не мальчишка, – ответил Ронин, стараясь не дергаться. – И он очень серьезно относится к своей работе. Может быть, даже слишком серьезно. Ученым не так-то легко приходится в наших условиях, и это его раздражает. Наверное.

Он забыл, что ему нельзя двигаться, и пожал плечами.

– Сиди спокойно, – велела К'рин.

Она на мгновение замерла и продолжила накладывать стежки.

– Я уверен, что все так и есть, как я сказал Томанду:

Г'фанд просто погорячился.

К'рин закрепила шов и наложила повязку.

– Однако же он на тебя напал.

– Да – согласился Ронин. – Что меня и беспокоит.

К'рин достала из сумки какую-то мазь и принялась смазывать распухшие ссадины у него на ребрах.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Тебя действительно это тревожит?

Он не ответил. Ему было приятно чувствовать прикосновение ее пальцев. Втирая мазь, она легонько массировала больной бок. К'рин пыталась понять, о чем думает Ронин. Быть может, о ней? Она вытерла руки и распустила волосы. Они упали ей на плечи, обрамляя черными кольцами бледное лицо. Она все же запачкала пару прядей мазью, которая переливалась при ярком свете причудливыми радужными бликами.

– Я в первый раз видела, как ты дерешься, – произнесла она очень тихо.

Было в ее голосе что-то такое... какая-то вкрадчивая нотка... Ронин почему-то вспомнил, как она быстро склонилась к его руке, чтобы слизнуть его кровь. Он в сердцах отшвырнул кинжал, который, описав в воздухе сверкающую дугу, вонзился в пол. Ронин сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Успокойся. Все хорошо, – прошептала К'рин.

Но он все равно продолжал психовать.

– Меня учили, – проговорил он с расстановкой, – как убивать и как уцелеть самому. Этому учат всех меченосцев. Кто-то лучше усваивает, кто-то хуже. В те годы, когда рядом был Саламандра, все было иначе. А теперь инстинкт снова берет свое... чистый, животный инстинкт... потому что нет времени даже подумать. Промедлишь секунду – и ты умрешь.

Он умолк на мгновение, вытянул руки. Впечатление было такое, что он обращается к самому себе, как будто К'рин здесь не было вовсе.

– Я его чуть не убил. Еще бы немного – и я бы точно его прикончил. А он был такой беззащитный... Он сам испугался того, что сделал.

– Да, я знаю.

К'рин прильнула к нему всем телом, и Ронин невольно напрягся, почувствовав прикосновение ее груди. Она продолжала легонько массировать ему спину.

– Я бы хотела увидеть тебя на Поединке, – прошептала она ему в самое ухо.

Теперь ее руки переместились ему на шею. Медленными круговыми движениями она снимала усталость с его напряженных мышц.

– Знаешь, я иногда представляю себе, какой ты в драке.

– Да неужели? Вот уж не думал, что ты занимаешься такой ерундой.

Он расслабился. Прикосновение ее груди приятно его волновало.

– Я вообще женщина непредсказуемая, – рассмеялась она и принялась растирать ему мышцы вдоль позвоночника. – И ты всегда побеждаешь в драке?

– Всегда. – Он знал, что она ждет именно такого ответа. Собственно, ей и не надо было об этом спрашивать.

Ее пальцы скользнули ниже, и их тела снова тесно соприкоснулись. Он вдыхал аромат ее духов. Пряди ее волос мягко и нежно касались кожи. Разговор, кажется, исчерпал себя. В тишине раздавалось учащенное дыхание К'рин. Ронин не сразу сообразил, что и сам он дышит не слишком ровно.

Продолжая массировать ему спину, она дошла уже до поясницы. Ее пальцы коснулись его ягодиц. Губы были так близко, что дыхание ее щекотало ему ухо.

– Ты потрясающе дрался. Ты дрался, ты истекал кровью, а я все это время думала только об одном.

Теперь движения ее рук стали настойчивее и смелее.

Он молчал. Он уже возбуждался.

Она коснулась губами его уха.

Он повернулся к ней и, забыв о боли, усадил К'рин к себе на колени. Принялся гладить ей волосы, а потом притянул к себе и яростно прижался губами к ее губам. Губы ее приоткрылись. Его сильные руки ласкали податливое тело К'рин. Она тихонечко застонала. Он потянулся к застежке у нее на блузке...

* * *

Ронин впервые их видел. Они были высокие, стройные и достаточно молодые. Рукояти кинжалов, закрепленных на португях поверх серых рубаш, тускло поблескивали в ярком искусственном свете – здесь, на верхних уровнях, осветительная система работала пока еще без перебоев.

– Фрейдал хочет тебя видеть, – сказал один из них. Он, по-видимому, не сомневался в том, что обращается к нужному человеку, хотя Ронин не знал ни того, ни другого.

Ронин сразу же подумал о Борросе, и ему стало немного не по себе. Было еще очень рано, примерно середина первой смены. Ронин как раз направлялся к себе. Даггамы перехватили его почти у двери, неожиданно вырвав из-за угла и преградив ему дорогу. Да, сказал себе Ронин, на этот раз Сталиг оказался прав: Фрейдал очень опасен.

– Сию же минуту, – уточнил даггам.

* * *

Служба безопасности занимала целый сектор на Верхнем Уровне. Ронин попал сюда в первый раз – сюда вообще редко пускали чужих, хотя, сколько он себя помнил, во всех коридорах ходили самые невероятные слухи о таинственных странных делах, которые здесь творятся. Раньше он относился ко всем этим слухам с изрядной долей скепсиса; теперь, однако, он пересмотрел свое к этому отношение.

Но вскоре он с удивлением обнаружил, что тоскливые серые стены с массивными дверями, охраняемыми даггамами «при полном параде», сменились уже не такими унылыми помещениями. В ярко освещенных комнатах шла самая что ни на есть будничная работа: даггамы сортировали таблички, перекладывали бумажки – словом, вели канцелярию. Попадались и неосвещенные кубатуры. Вероятно, складские помещения. Но некоторые из комнат явно пустовали «без дела», что озадачило Ронина. Справа открылась какая-то дверь, и в коридор вышел даггам. В тусклом мерцающем свете Ронин успел заметить большой письменный стол, на котором было разложено что-то совсем уже непонятное, испещренное какими-то линиями.

Дверь мягко закрылась, и они двинулись дальше. Вокруг ничего не менялось: все тот же гнетущий сумрак, даггамы в невообразимых количествах. Что же это такое было на том столе?

– Сюда.

Они вошли в тесную комнатку с искусственным освещением.

– Жди здесь.

Даггамы вышли, оставив Ронина одного. Он огляделся. Безучастные серые стены. Голый пол. Стол. Два стула. Мрачные тени, подрагивающие над столом. Ронина потихоньку одолевала усталость. В плече пульсировала тупая боль. Ему ужасно хотелось есть. Да и помыться бы тоже не помешало.

Дверь открылась, и в комнатку вошел даггам. Уже другой. Глаза цвета мутной грязи. Взгляд, исполненный плохо скрываемой враждебности. Ронин узнал его. Марш. Интересно, подумал еще Ронин, он специально зашел меня «навестить» или же он состоит в личной охране саардина? Марш указал большим пальцем на дверь:

– Сюда.

– А чем ты еще занимаешься кроме того, что торчишь у двери? – спросил Ронин, не сумев справиться с накопившимся раздражением.

Марш скорчил гримасу. Его пороссячи глазки сузились.

– У меня-то хоть есть саардин.

– Который тебе говорит, что делать, – добавил Ронин.

– Конечно. А что еще нужно? – Марш стиснул зубы. – Что еще нужно солдату, кроме хорошего командира? А у нас есть такой командир.

Ронин придвинулся ближе.

– Вот поэтому мы и... – Марш ухмыльнулся.

– Что вы?

– Ничего, – набычился даггам. – У меня есть приказ. Присмотреть за тобой, чтобы ты чего не натворил.

Ой ли? Ронин обогнул даггама и шагнул через порог. Марш закрыл за ним дверь. Стены второй комнаты были выкрашены в темно-серый цвет. Освещение совсем слабое. Никаких ковров, зато на двух стенах – какие-то непонятные росписи в темных размытых тонах. Резной стол, расположенный почему-то по диагонали, делил комнату пополам. За столом в кресле с высокой спинкой восседал Фрейдал собственной персоной, одетый, как и в тот раз, в темно-серую форму. Серебристые знаки отличия поблескивали на груди. Лампа стояла как раз у него за спиной, так что лицо саардина оставалось в тени. Лампа на потолке освещала только его макушку. Когда Ронин вошел, Фрейдал даже не соизволил поднять глаза. Напротив него с отрешенным видом сидел писарь с неизменным пером и табличкой. Впечатление было такое, что он вообще способен воспринимать окружающий мир только в форме произнесенного слова. Ронин заметил один пустой стул, но предпочел не садиться.

Выдержав паузу, Фрейдал пошелестел бумажками, отложил в сторону какой-то список и наконец поднял голову:

– Сэр?

Рука писаря пришла в движение, легонько скрипнуло перо.

– Вы посылали за мной, – спокойно и четко произнес Ронин.

– Да, посылал.

Фрейдал не предложил Ронину сесть. Его мертвенно-белый искусственный глаз жутковато поблескивал в ярком свете.

– Вам лучше все рассказать самому.

– Я не понимаю...

– Вы все понимаете, – оборвал его саардин. – Прекрасно вы все понимаете.

Рука писаря продолжала вычерчивать знаки на табличке.

– Я вас слушаю, сэр.

Фрейдал сцепил руки в замок. Явственно хрустнули костяшки пальцев. Лицо его, оставшееся в тени, было непроницаемо. Только поблескивал немигающий искусственный глаз.

Ронин лихорадочно думал.

– Это просто недоразумение...

– Сэр, я вам не верю.

Теперь Ронин хотя бы понял, откуда ветер дует.

– Я думал, что все это в прошлом, но... – начал он с самым невинным видом. – В общем, там пошли всякие замечания насчет Саламандры...

– Трудно поверить, что вы так ранимы.

Бледная ладонь Фрейдала шевельнулась, блеснул отполированный ноготь.

Что, интересно, он хочет услышать? Быть может, немного правды...

– Мы... мы не сошлись во мнениях, как вы, наверное, знаете.

Лоб Ронина покраснел испариной, что было сейчас очень кстати.

– Многие почему-то считают, что мне доставляет огромное удовольствие, когда его оскорбляют. Но он был моим сенсеем, и я многим ему обязан.

Он замолчал. Фрейдал тоже не произнес ни слова, и Ронин догадался, что саардин обдумывает услышанное и соотносит его слова с официальным отчетом об инциденте.

– Он много чего нехорошего наговорил, – произнес наконец саардин.

– Кто?

– Этот ученый.

– Я не...

– У нас есть свидетели.

Такое пустячное дело, удивился про себя Ронин. Что ему все-таки надо?

– Я думаю, что, учитывая обстоятельства, его можно понять.

– Вы его защищаете?

Осторожнее, Ронин.

– Он не представляет опасности, саардин. В конце концов, он всего лишь ученый.

Снова зашелестели бумаги.

– Осторожность, она никогда не бывает излишней, – многозначительно изрек Фрейдал, – когда речь идет о традиции. Подобное происшествие во время Сехны – причина достаточно веская для проведения дознания. Надеюсь, вы это понимаете. Приказ есть приказ. Его надо исполнить любой ценой. Любой. Сехна – время для проявления уважения к саардинам, а значит, и к самому Фригольду. Без порядка Фригольд – ничто. Без дисциплины, традиций и правил мы превратимся в варваров. Вы понимаете это, сэр?

Саардин разжал руки, его ладони легли на стол. Была в этом жесте немая угроза.

– Я знаю, что вы ни при ком не состоите. Такой у вас принцип. Но разве этому вас учили в высшем эшелоне?

Искусственный глаз сверкнул, отражая свет.

– Что, интересно, подумал бы Саламандра о своем ученике... простите, сэр... бывшем ученике, который затеял драку во время Сехны?

Фрейдал неодобрительно поцокал языком, потом слегка повернул голову, и Ронин заметил, что он улыбается.

– Я весьма сожалею, что был вынужден побеспокоить вас в такой ранний час, но... – саардин пожал плечами, – служба есть служба.

Белесый глаз снова сверкнул на свету. Фрейдал опустил взгляд и уткнулся в бумаги.

– Вы забыли свой меч, – заметил он как бы между прочим.

И тут Ронин все понял. Он замер на месте, почти не дыша и не сводя напряженного взгляда с блестящих волос саардина. Где-то хлопнула дверь, послышался топот сапог по бетонному полу.

– Вот и пай-мальчик, – проговорил саардин. Ронин услышал в словах Фрейдала плохо скрываемое раздражение, и это немного его порадовало. Звуки шагов замерли вдалеке. Вновь стало тихо.

Разболелось плечо.

– В общем, вы делайте свое дело, – поднял голову Фрейдал, – а я буду делать свое. – В голосе саардина вновь зазвучали поучительные нотки. – Вы знаете, сэр, для чего была создана наша служба? Тому две причины. Первое – защищать Фригольд от нападения извне, и второе – обезопасить Фригольд от тех, кто хочет разрушить его изнутри.

Он опять сцепил пальцы в замок.

– Мы – последние, кто уцелел. Земля наверху скована вечной мерзлотой. Там никому не выжить. Все остальные Фригольды давно погибли. Потому что они отказались от своих традиций. Потому что у них не было дисциплины. Такой, как у нас, сэр... Они все погибли, а мы еще держимся. И клянусь вечным морозом, сэр, я сделаю все для того, чтобы так продолжалось и дальше. Мы уцелеем, должны уцелеть. – Фрейдал разжал пальцы. – Там, наверху, никого не осталось, но здесь, во Фригольде, еще есть кое-кто, кто желает нам зла. – Руки его тяжело опустились на стол. – Но я этого не допущу. Вам понятно, сэр?

Ронин кивнул.

– Хорошо.

Саардин неожиданно повернулся в своем кресле и указал на настенную роспись у себя за спиной:

– Вы видите это? Изумительная работа. Шедевр. Нам в жизни не сотворить ничего подобного. Как по-вашему, сколько ей лет? Двести? Триста? Тысяча! Как минимум тысяча! Что вы на это скажете? Мы и понятия не имеем о том, кто ее написал. Мы даже не знаем, что это были за люди. Может быть, наши предки. А может, и нет. Никаких свидетельств. Загадочно, правда? – Он опять повернулся к Ронину. – Во Фригольде много чего загадочного. Просто никто ничего не знает. У нас нет времени, чтоб заниматься загадками прошлого. Но даже если бы мы узнали, все равно большинству было бы наплевать. Однако же есть еще люди, которые любят соваться, куда не просят. И на этом они обжигаются.

Воцарилась гнетущая тишина. Ронину вдруг стало трудно дышать.

– Я думаю, вы – человек разумный, – добавил Фрейдал и, сверкнув белесым искусственным глазом, опять занялся своими бумагами. Писарь отложил перо.

Ронин застыл в растерянности.

– Вы не опоздаете на тренировку, сэр? – осведомился саардин, не поднимая глаз.

* * *

Выбросить ногу вперед. Блокировать удар. Выпад. Рывок. И все это – одним движением. Вернуться к исходной позиции. Глядя на то, как противник его нагнулся, чтобы поднять оброненный меч, Ронин подумал, что это – не боец. Такой никогда ничему не научится.

Неподалеку практиковался Ниррен. Он сделал медленное обманное движение – его соперник попался на удочку – и применил «солендж», сложный фехтовальный прием. Острие его меча коснулось открытой груди противника. Если бы это был настоящий бой, соперник Ниррена уже бы давно пал смертью храбрых. Ронин вытер пот со лба, наблюдая за тем, как Ниррен отступил назад и поклонился сопернику.

Вокруг стола медленно переливались тени, рыжее пламя мерцало, играя бликами на рукоятках кинжалов.

Голоса двух сотен мужчин отражались звенящим эхом от стен громадного зала. Воздух, кажется, пропитался тяжелым запахом пота. Ронину не терпелось повидаться со Сталигом, но он не мог пропустить занятие. Внутреннее чутье подсказывало ему, что теперь он должен особенно тщательно придерживаться обычного ежедневного распорядка. Он решил не пренебрегать предостережением Фрейдала.

...все взгляды прикованы к столу в центре комнаты. Линии сходятся, образуя знакомый рисунок. Но у него не было времени рассмотреть, что же там – на столе. Если бы он смотрел прямо на стол... Сплетение линий отпечталось в его сознании, но, как бы Ронин ни пытался, он не мог вспомнить, на что они были похожи. Быть может, само всплывет в нужный момент...

К нему подошел, улыбаясь, Ниррен.

– Как насчет поразмяться?

Ронин согласно кивнул. Они с Нирреном заняли исходные позиции и настороженно замерли, присматриваясь друг к другу.

...с другой стороны, он уже больше не сомневался. Он знал, что ему делать дальше. В сущности, именно предостережение саардина повлияло на его решение. Не то чтобы он наплевал на просьбу друга. Но именно потому, что этот опасный и влиятельный человек с белым искусственным глазом и хищной улыбкой неоднозначно дал ему понять, что не стоит соваться, куда не просят, Ронин теперь собирался выяснить все о Борросе, непонятно с чего помешавшемся колдуне. Сильные мира сего всегда правы. Но любому терпению есть предел...

Ниррен атаковал первым, и Ронин, погруженный в раздумья, едва не пропустил удар. Ему пришлось попотеть, чтобы отвести клинок друга в сторону. Ниррен применил «файес»: нижний выпад мечом вперед и в последний момент резкий подъем клинка вверх, – прием, предназначенный для того, чтобы вспороть противнику живот, чем при удачном стечении обстоятельств и заканчивался поединок. У Ронина не было времени на ответный маневр. Он успел лишь увернуться и ударить мечом снизу на уровне бедра. Главное в поединке – реакция на уровне инстинкта и скорость. Неопытный меченосец в этом случае отступил бы и проиграл сражение. На «файес» надо отвечать контратакой. Мечи со звоном скрестились. Ронин отпрянул назад, пытаясь воспользоваться инерцией движения Ниррена – в этом как раз и состоял главный недостаток «файеса», – но тот отразил удар.

К концу боя явное преимущество дважды оставалось за Ронином, однако ни тот, ни другой не добились беспорной победы. Но они к этому и не стремились. У каждого была своя техника. Свой индивидуальный стиль борьбы. На занятиях они учились друг у друга, перенимая приемы. При этом друзьям приходилось держаться настороже и быть готовыми к любым неожиданностям. Ронин знал много хитрых уловок, но он никогда не применял их в поединках с Нирреном, потому что догадывался, что и у того, в свою очередь, есть кое-что в запасе.

...пропитанные смолой тростниковые факелы освещают обшарпанные бетонные стены лестницы, ведущей на верхние этажи. Перед мысленным взором Ронина снова возникло загадочное переплетение линий. И тут его осенило. Изображение, отпечатавшееся в глубинах его сознания, внезапно обрело смысл...

Ниррен предложил ему пропустить по стаканчику после занятия, и Ронин с готовностью принял его приглашение. Хотя он собирался увидеться со Сталигом и подумать о Борросе, сейчас ему было гораздо важнее поговорить с чондрином.

Апартаменты Ниррена мало чем отличались от апартаментов Ронина, разве что располагались на несколько уровней ниже: те же две комнаты, небогатые мебелировкой.

– Сиррега нет. Так что мы можем разговаривать свободно.

Ниррен достал из шкафчика графин и бокалы. Они пили темное красное вино, приходя в себя после боя. Ронин удобно устроился на диване, смакуя вино, которое разливалось по телу приятным теплом.

– Я тебя раньше об этом не спрашивал, но теперь мне интересно: как вообще обзаводятся саардинами?

Ниррен задумчиво посмотрел на него и отхлебнул вина.

– Ты имеешь в виду убеждения? – Он покачал головой и добавил с улыбкой: – Выходит, все это неправда, что о тебе болтают?

– Ты сам знаешь, что правда, а что неправда.

– С чего ты это взял? – Ниррен снова потрянул головой. – О тебе столько всего говорят, и все говорят разное. Может быть, потому, что у тебя так мало друзей. Или, может быть, из-за того, что ты ни при ком не состоишь. Никто не может понять, почему...

– И ты, стало быть, тоже не можешь, – оборвал его Ронин.

– Ну нет, дружище. Это твой выбор. Я уважаю твое решение. И все же... можно ведь попытаться...

– Если есть убеждения.

Ниррен пожал плечами:

– А если и нет, то что? Думаешь, все у нас с убеждениями? Многие в глубине души вообще ни во что не верят. Просто ничего другого, кроме мира саардинов, они не знают. И тем не менее тебя боятся... да, это верное слово: боятся... потому что для них ты – загадка. Ну и из-за Саламандры тоже. Они думают, ты избегаешь людей из-за какого-то страшного преступления, которое якобы у тебя на совести. Забавно, правда? Однако я отклоняюсь от темы. Ты спрашивал, как я заимел себе место при саардине.

Он наполнил бокалы по новой.

– Сейчас я тебе расскажу. Когда я был еще учеником, у меня был друг. Неважно, как его звали. Он был очень честолюбив. Мечтал стать чондрином, а со временем – и саардином. Но в жизни все очень сложно – мы с тобой понимаем это, а мой друг не понимал. Он хотел власти, но не признавал традиционных путей. Я видел, что с ним происходит. Я тогда мало что смыслил в жизни, но я чувствовал... знаешь, нутром... – Ниррен приложил ладонь к животу, – вот здесь я чувствовал, что он поступает неправильно. Я пытался с ним поговорить, убедить его. Но он меня просто не слушал. Он кивал, говорил: «Да, я согласен. Это дельный совет». А потом делал все по-своему.

Ниррен не на шутку разволновался. Он отхлебнул вина и внимательно посмотрел на Ронина.

– И вот однажды мы пришли на занятия и нашли его в зале... Он лежал на полу в луже крови. Голова, руки, ноги – все было отрезано и разложено в форме пятиконечной звезды. Жуткая получилась картина.

Он допил вино и налил еще. В комнате было тихо. В коридоре снаружи – тоже. Ронин прокашлялся:

– И что потом?

– Я понял, что мне нужно выбрать себе саардина. И как можно скорее.

– После того, что ты там увидел?

– Вот именно. Еще вчера человек был жив, полон энергии и презрения к Традиции, и вдруг, его нет. Был человек и весь вышел. Через него просто-напросто перешагнули, словно это и не человек, а какой-то ненужный хлам. Его разрубили, как тушу, и бросили на пол. Мы все это видели. Я так думаю, те, кто его «обработал», хотели, чтоб мы это видели. И чтобы мы поняли, что к чему.

Я сразу понял, что должен делать. Я, друг ты мой, реалист. Я знал, чего он добивался. Он вовсе не был каким-то злодеем. И то, что он так рвался к власти... это было, наверное, правильно. Без нее мы ничто. Без власти мы ничего не добьемся. Власть – это связующее звено между мечтой и реальностью. Теперь я понимаю, а он это понял еще тогда. Просто ему не хватило терпения, он слишком спешил и заплатил дорогой ценой. Я о нем не скорблю, пойми.

Мы живем в мире реальном, каждый дурак это знает. Не обязательно с ним соглашаться, но нужно суметь как-то вписаться в рамки, если ты понимаешь, о чем я. С единственной целью – добраться до власти. И тогда все возможно, дружище. Все.

Ниррен замолчал, и Ронин понял, что тот ждет ответа. Как будто прочитав его мысли, Ниррен заметил:

– Я не жду никакого ответа. Я просто хотел, чтобы ты это знал. – Он встал и пошел к буфету за следующим графином.

– А зачем?

Ниррен улыбнулся:

– А тебя удивило, что я тебе все это рассказал?

– Ты и сам знаешь, что да.

Чондрин рассмеялся:

– Не так уж и хорошо я тебя знаю.

– Потому что я не рассказываю о своем прошлом? Разве это так важно?

– Прошлое делает человека, – проговорил Ниррен с нажимом. – И ты просто обманываешь самого себя, если думаешь, что это не так.

– Все люди разные.

– Это верно.

– Я имею в виду – в душе. В глубине естества.

– В глубине естества все люди едины в духе.

Ронин угрюмо покосился на друга.

– Ты действительно в это веришь?

– Да.

– А я нет.

У Ронины возникло вдруг странное ощущение: словно студеной ветер промчался по сокровенным глубинам его души, проникая в ее потаенные уголки – туда, куда Ронин боялся всегда заглянуть. В ушах непонятно с чего раздался какой-то шум. Тело покрылось испариной. Его как будто пронзили тысячи крошечных булабочек. Откуда-то издали донесся сдавленный страшный вопль. Он пытался понять, разглядеть... но перед глазами поплыл туман...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.